

Глава XXII. Похороны

Дуррути

Пока в номере 15, на первом этаже отеля «Ритц» медленно умирал Дуррути, на улице Реформа Агрария продолжали заседать мадридские активисты НКТ. Ариэль, корреспондент *Solidaridad Internacional*, не осмеливался звонить в Барселону, чтобы сообщить о случившемся в редакцию своей газеты, до тех пор, пока не будет известно о результатах упомянутого собрания. «Обнародовать смерть Дуррути и не проанализировать последствия такой новости в те дни явилось бы легкомысленным поступком». Что касается Ариэля, то для него сокрытие новости означало сохранить силу духа бойцов. Части генерала Франко удвоили мощь своих атак на город, и при таких обстоятельствах любое изменение в лагере республиканцев могло привести к катастрофическим последствиям в обороне Мадрида²⁶⁸.

Сиприано Мера прибыл в Валенсию приблизительно в 6 утра; ещё было слишком рано, и в помещении, где находился Центральный комитет НКТ, никого не было. Но, к счастью, он встретил там одного парня и сообщил о цели своего визита, сказав, что ему необходимо срочно повидать Гарсию Оливера. Почти все министры правительства Ларго Кабальеро поселились в отеле «Метрополитано», и именно там Мере удалось поговорить с Гарсией Оливером и Федерикой Монтсени.

Реакция Гарсии Оливера выразилась в сожалении о неизбежности произошедшего — ведь всё это можно было предвидеть заранее. Когда НКТ приняла решение послать Дуррути в Мадрид, тот был против, считая, что его присутствие в Арагоне было намного важнее, чем в Мадриде.

У Федерики Монтсени, которая почувствовала себя ответственной за случившееся, произошёл нервный срыв... В тот момент раздался телефонный звонок: Гарсии Оливеру сообщали, что около шести утра скончался Дуррути. И хотя все ожидали этой новости, она ошеломила присутствующих. Каждый из них задавал себе вопрос: что произойдёт, когда о трагедии станет известно в рядах бойцов НКТ?

«Наконец мы втроём вышли из отеля и направились в Национальный комитет. Когда мы встретились с Марианетом, несколько дней назад избранным генеральным секретарём, он сказал нам, что Валь уже позвонил ему из Мадрида и сообщил о смерти Дуррути. Затем он посмотрел на всех нас, как бы раздумывая о поставленном вопросе: замене нашего погибшего товарища (...). Назвали ряд имён: Ортис, Ховер, Рикардо Санс. В конце концов решили, что последний из указанных более всего подходил для поста командира остатков Колонны в Мадриде, которая должна была остаться в городе. А Мансана должен был выехать в Арагон, чтобы принять командование местной колонной. Лично меня, — пишет Мера, — не удовлетворило принятое решение, так как я считал, что место Дуррути должен

был занять Гарсия Оливер»269.

Помещение, где находилось тело Дуррути, было белым и квадратной формы. На маленькой железной кровати, покрытое белой простынёй, лежало тело Буэнавентуры. Его голова покоилась на подушке. Утренние лучи светили через витражи балкона, выходящего на кольцевой перекрёсток, где возвышался обелиск героям 2 мая... Всё это казалось символичным и памятным в честь нового народного героя. С деревьев конских каштанов падали последние листья осеннего золота.

В восемь утра, чтобы снять посмертную маску с лица Дуррути, приехал Викторiano Мачо — великий испанский скульптор. Его сопровождали другие артисты, члены Альянса интеллигенции (...). Мачо попросил убрать с тела покрывающую его простыню: так ему было удобнее работать:

— Это Геркулес, истинно Геркулес! — воскликнул Викторiano Мачо, увидев обнажённое тело Дуррути...»270.

«20 ноября в полдень я находился в Фигерес, сопровождая команданте Рамос де Иглесиас (проверка береговой обороны). Был накрыт стол. Мы собирались обедать... Как вдруг телефонный звонок Гарсии Оливера сообщил мне страшную новость:

— Не теряй времени, тотчас же садись в машину и немедленно возвращайся в Барселону. Нам только что сообщили: Дуррути убит в Университетском городке. На заседании Совета обороны было решено, что ты заменишь его. Быстрее, приезжай.

Я вошёл в столовую с изменившимся лицом, — пишет Рикардо Санс. Все сидели за столом, ожидая меня, чтобы приступить к обеду. Я сообщил им трагическую весть (...). Через несколько минут мы выехали по направлению к Барселоне.

В Департаменте обороны мне не сообщили ничего нового. Меня назначили командиром каталонских частей в Мадриде. От Гарсии Оливера я получил следующую задачу: “Узнай, что там на самом деле произошло, и докладывай мне обо всём”271.

Вечером тело Дуррути было перевезено по адресу Национального подкомитета и помещено в гроб из красного дерева.

Также привезли чемодан Дуррути — его единственное имущество. Что же было в этом чемодане?

Потёртый, старый, небольших размеров чемоданчик. В те дни, когда всего было предостаточно, чемодан Дуррути был почти что пуст — там лежали лишь смена грязного белья и набор для бритья. Вот и всё, что в нём было. Это был весь багаж Дуррути.

Там была представлена нетребовательность борца. Несколько дней назад он попросил у Национального подкомитета НКТ сто песет на мелкие нужды (...). Он, ранее достававший огромные средства для Конфедеральной организации, рискуя жизнью, отказывал себе во всём, с тем чтобы служить примером чистоты. Тот багаж означал сокровище человеческого

достоинства.

Он отказался от всего, кроме победы. Но победа для него означала каждодневное поведение. Оно, как яркий след, остаётся после человека как память о его деятельности...

(...) Наиболее потрясающим визитом стал приезд группы товарищей из подразделений Дуррути. Кожаные кепки и куртки, вельветовые брюки. Их винтовки ещё не остыли от выстрелов. Они на минуту оставили линию фронта. Все бойцы подразделения хотели приехать, чтобы увидеть безжизненное тело погибшего товарища, которого они так любили и который доказал им свои верность и мужество. Но это было невозможно. Нельзя было оставлять линию фронта (...)

В их глазах блестели слёзы грусти (...) И в тишине, глубокой тишине их волнения (...) из самой глубины их души они дали обещание продолжить борьбу до окончательной победы за триумф истинной свободы (...) вплоть до достижения победы пролетариата”²⁷².

На рассвете 21 ноября я выехал в Мадрид. У въезда в Валенсию, около тюрьмы «Сан-Мигель-де-лос-Рейес», я увидел кортеж автомобилей, ехавших за фургоном, перевозившим тело Дуррути в Барселону.

Я на минуту задержался, чтобы узнать что-либо о случившемся от очевидцев гибели Дуррути, и продолжил путь к Мадриду.

Прибыл в Мадрид уже вечером. Кругом царил полнейший хаос. Никто не хотел верить в смерть Дуррути.

Все считали, что Дуррути не мог умереть. Могло случиться всё, что угодно, только не это. Не важно было даже, если бы обрушился небесный свод. Могли бы даже вымереть все мадридские коты. Этого не могло произойти, люди никак не принимали, что вражеская пуля поразила сердце именно Дуррути!

“Его убили коммунисты”, — говорили одни. “Его убили выстрелом с балкона”, — добавляли другие. “Его мог убить не кто иной, как его враги”, — совпадали во мнении и те, и другие. Когда говорили таким образом, никто не думал, что Дуррути также мог погибнуть от пули противника, засевшего в траншее напротив»²⁷³.

Ранним утром 22 ноября прибыл кортеж, сопровождающий тело Дуррути из Барселоны. С тех минут, вплоть до утра 23-го, когда состоялись похороны, Виа Лаэтана и «Дом НКТ-ФАИ» были запружены толпой.

«На следующий день утром были похороны. Становилось ясно, что пуля, пронзившая Дуррути, также поразила сердце Барселоны. По подсчётам, каждый четвёртый или пятый житель города прошёл за гробом в похоронной процессии, не принимая в расчёт толпы народа на улицах, людей, наблюдавших из окон домов, на крышах и даже с деревьев на улице Рамблас. Партии и профсоюзы различных течений созвали своих членов, и над этим морем людских голов рядом с анархистскими развевались знамёна всех антифашистских организаций. Зрелище было величественным, потрясающим, необыкновенным. Толпа шла

без всякого руководства, не было никакого порядка, ни организации. Всё происходило просто так и не поддавалось описанию.

Похороны были назначены на десять. За час до того уже было невозможно добраться до здания Анархистского регионального комитета. Никто не думал о том, как расчистить дорогу для кортежа. Отовсюду прибывали группы людей. Фабричные встретились, перемешались и отрезали подход. В центре кавалерийский взвод и моторизованная часть, которые должны были идти впереди гроба, оказались заблокированными. Повсюду стояли машины с венками — они не могли сдвинуться с места. С большими трудностями министрам удалось пробраться к гробу.

В десять с половиной тело Дуррути, покрытое красно-чёрным знаменем, было вынесено из Дома анархистов; его несли на своих плечах “милисьянос” колонны “Дуррути”. Толпа подняла вверх кулаки в знак прощального приветствия. Запели гимн анархистов “Дети народа”. Всех охватило волнение.

Однако никто не заметил, что на похоронную процессию пришли две группы музыкантов; один оркестр играл тихо, другой — очень громко, но не в такт первому. Шум мотоциклов, гудки автомобилей, командиры милиций свистели и жестикулировали. Между тем несущие гроб не могли продвигаться. Похоронная процессия не могла тронуться с места. Музыканты опять принялись играть, вновь тот же самый гимн; каждый играл сам по себе, не заботясь о другом; звуки смешивались в музыку без мелодии. Поднятые кулаки не опускались. Наконец музыка стихла, и приветствия тоже. С тех минут слышался шум толпы, в центре которой лежал Дуррути на плечах своих товарищей.

Прошло по крайней мере полчаса, прежде чем по улице смогла продвинуться похоронная процессия. Прошло несколько часов, прежде чем она прибыла на Площадь Каталонии, находившейся на расстоянии всего нескольких сотен метров. Кавалеристы, как могли, продвигались вперёд. Музыканты, потерявшие один другого, старались собраться вместе. Автомобили, остановленные в обратном направлении, давали задний ход. Машины с венками проезжали по параллельным улицам, чтобы каким-нибудь образом встать в состав кортежа. И все кричали во всё горло.

Нет, это не были похороны монарха — это были народные похороны. Никакого порядка — всё происходило спонтанно, импровизированно. Это были похороны анархиста — узрите Его Величество! Иногда странные, но не теряя грандиозности, необыкновенной и мрачной». У основания колонны Христофору Колумбу, недалеко от того места, где 19 июля Аскасо, друг погибшего, принимал сражение и отдал свою жизнь, были произнесены прощальные речи.

Оливер, единственный оставшийся в живых из группы трёх товарищей, взял слово как друг, товарищ и министр юстиции Испанской Республики. «В эти тревожные часы, — сказал он, — революционное правительство горячо приветствует Дуррути и всех павших в борьбе с фашизмом. В лице его подруги мы приветствуем всех женщин, оплакивающих смерть дорогих им людей. В дочери Дуррути мы приветствуем всех детей, потерявших своих родителей. Мы приветствуем всех сражающихся на фронте и тех, кто будет идти в бой до решающей победы».

Затем слово взял русский консул. Он закончил свою речь на каталонском, восклицая: «Смерть фашизму!» Президент Женералитат Компанис выступил последним. Он сказал: «Товарищи!» и закончил возгласом: «Вперёд, вперёд!»

Предполагалось, что после выступлений толпа разойдётся, и только ряд друзей пройдут за гробом до кладбища. Но было невозможно следовать намеченной программе. Люди не расходились, всё кладбище было запружено толпами, и нельзя было добраться до места могилы. Кроме того, все улицы кладбища оказались заставлены тысячами венков.

«Темнело. Опять начался дождь. Вдруг он перешёл в ливень, и земля кладбища превратилась в грязное месиво, где утопали цветы. В последний момент приняли решение отложить захоронение, и нёсшие на плечах гроб развернулись перед могилой и понесли свою ношу в погребальное помещение.

Всего лишь на день позже Дуррути был похоронен. Его последней обителью станет мавзолей, сооружённый для тел Аскасо и его. Он станет местом паломничества для народа, который переживает смерть своих героев, не плача о них, — он чувствует их без того сентиментализма, которое мы называем благочестием»²⁷⁴.

23 ноября 1936 года в Леганес имело место важное заседание; его возглавлял сам Генералиссимус (Франко), и присутствовали на нём генералы Мола, Саликет и Варела, вместе с командующими их главных штабов. Там было принято наиважнейшее решение — оставить фронтальную атаку на Мадрид, и таким образом оно изменило курс и знак истории...²⁷⁵

В тот же день, 23 ноября, вся пресса Испании и мира информировала о погребении анархиста, иллегалиста, которым всю свою жизнь был Дуррути.

«Пролетарская демонстрация, идущая за гробом Дуррути, наряду с похоронами Ленина, является одной из самых значительных рабочих демонстраций в истории пролетариата. Более полумиллиона человек присутствовали там, но величие этого события заключается не в физическом присутствии толпы, а в глубоком чувстве, которое вызвала смерть Дуррути у всей революционной Испании», — правдиво замечает Каминский.

Печатный орган Колонны «Дуррути» El Frente, номер, датированный в Пина-де-Эбро 23 ноября 1936 года, пишет: «История и легенда станут его величавыми вестниками», и действительно, с того момента, как стала широко известна новость о смерти Дуррути, родилась легенда, которая, по прошествии 40 лет, всё ещё жива. Народное воображение не смирилось с концом Дуррути; он выходил за рамки его значения для истории. Так же, как и в другие моменты его бурной жизни, это воображение создаёт ещё одну жизнь, согласно личности человека, который в те дни воплощал устремления самого народа. На этом основании Ruta — печатный орган Либертарной молодёжи — пишет:

«Дуррути — борец, никогда не оставлявший рабочего места в мастерской; Дуррути — командир Колонны, презревший почести и звёзды на погонах; Дуррути — человек из народа, который жил для народа, представлял для нас, молодых анархистов, твёрдую надежду».

А El Frente Libertario, газета Конфедеральных милиций, цитировала последние слова Дуррути как «призыв к мужеству»:

«Братья, вперёд, за революцию!»

Далее газета писала: «Мы бы заслужили презрение, оказываемое предателям, если бы не исполнили его последнего желания».

Пресса других антифашистских течений прославляла героя, но анархисты — противники культа как такового — писали в Solidaridad Obrera:

«Другая организация, отличная от НКТ, придавала бы ему святой характер вождя».

А в газете Tierra y Libertad, органе ФАИ, писали:

«Город и человек искали друг друга, нашли и слились в одно целое; оба стали достойными один другого».

Тысячи писем и телеграмм пришли в Комитеты НКТ из всех стран мира. Испанские политические деятели, делегаты и командиры Колонн выразили свою боль. Персонажи левого революционного движения, такие как Андреу Нин или Марсо Пивер, подчеркнули огромную потерю для революции — смерть Дуррути. Десятки испанских и иностранных писателей выразили свою грусть. Среди них Пьер Сиз наиболее удачно описывает значение пустоты после гибели Дуррути:

«Кто сможет стать достаточно сильным и достаточно достойным, чтобы принять страшное наследие Дуррути?»²⁷⁶

Как можно выразить это наследие кратко? Мы процитируем строки из его последнего письма, написанного за сутки до смерти, в адрес Либерто Кальехаса:

«Перед отъездом из Каталонии я попросил быть сознательными тех, кого интересует то же, что и меня. Я не говорю о бедных духом и слабых. Я говорю обо всех тех, о нас; мы полностью отдали себя для совершения последнего натиска. Ружья не способны ни на что, если за ними не стоят воля и расчёт в выстреле. Нет сомнения, что фашисты не войдут в Мадрид, но их необходимо быстро отбросить, потому что Испанию надо опять завоевать»²⁷⁷.

Версия #1

Зверобой создал 25 июля 2025 23:33:37

Зверобой обновил 25 июля 2025 23:40:05